Этан Цукерман

Новые соединения

Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху

REWIRE

Этан Цукерман

Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху

«Ад Маргинем Пресс»

2013

УДК 004.738.5:316.77
ББК 32.971.353+60.524.224.1

Цукерман Э.

Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / Э. Цукерман — «Ад Маргинем Пресс», 2013

Этан Цукерман, директор Центра по изучению гражданских медиа при Массачусетском технологическом институте (MIT), интернет активист и блогер, в своей дебютной книге описывает как социальные сети, транспортные хабы и новые информационные технологии, изменяют нашу жизнь. Новый взаимосвязанный мир функционирует не совсем так, как представляют себе технооптимисты и колумнисты специализированных изданий, но тем не менее он уже существует, и научиться жить в нем, адекватно используя интернет и прочие инструменты во благо, а не во вред, – задача, которая стоит сегодня необычайно остро.

УДК 004.738.5:316.77
ББК 32.971.353+60.524.224.1

© Цукерман Э., 2013
© Ад Маргинем Пресс, 2013

Содержание

Введение. Секреты и тайны 6
Отключение 10
Глава первая. Взаимосвязанность, инфекция, вдохновение 10
Космополитизм 16
Как мы познаем мир 19
А ведь предполагалось, что это будет просто 20
Будущее для всех 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Этан Цукерман
Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху

Посвящается Дрю, который вырастет в мире столь же необъятном, как его мечты

Для сегодняшнего этапа развития человечества сложно переоценить важность осуществления контактов между самыми разными людьми, чей образ мыслей и действий отличается от привычного.
Джон Стюарт Милль

Мы так торопимся проложить телеграфную линию между Мэном и Техасом, но ведь Мэну и Техасу, может статься, нечего друг другу сообщить.
Генри Дэвид Торо

Ethan Zuckerman
Rewire
Digital Cosmopolitans in the Age of Connection

© Ethan Zuckerman, 2013
© Дмитрий Симановский, перевод, 2015
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015
© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2015

Введение. Секреты и тайны

Семидесятипятилетний аятолла Рухолла Хомейни 14 лет провел в изгнании. Он неустанно критиковал единоличного правителя Ирана шаха Реза Пехлеви, что привело его к вынужденной эмиграции, но не заставило замолчать. С 1977 года он жил в соседнем Ираке, где и нашел новый способ агитации. Поздно вечером, обычно около десяти, после того как толпы пилигримов, пришедших поклониться святилищу имама Али, отправлялись на покой, он читал длинные лекции всем, кто был готов его слушать. В этих направленных против шаха филиппиках он представлял его западнические реформы в свете теорий заговора, связывая их с «евреями и крестоносцами», целью которых было унизить и подчинить себе Иран.

Допуск к расположенному в Ираке святилищу был ограничен – из Ирана туда пускали не более 1 200 человек в год, и некоторые из них возвращались домой с необычным сувениром: кассетой с записью проповедей аятоллы. Кассеты переписывались и свободно распространялись на улицах Тегерана и других иранских городов. Под давлением президента Соединенных Штатов Джимми Картера, требовавшего выполнить обещания и начать реформы, шах приказал своей тайной полиции САВАК не изымать и не уничтожать эти кассеты. На кассетах писали «Соханрани мажаби» – религиозная лекция – и продавали рядом с записями популярных исполнителей. Глава «антиподрывного отдела» САВАК Парвиз Сабети подсчитал, что в 1978 году таких кассет было продано более ста тысяч,[1] а обвинительные речи аятоллы Хомейни услышали миллионы иранцев.

Амир Тахери работал редактором проправительственной газеты, когда эти записи приобрели широкую популярность. Два репортера газеты принесли с рынка кассеты и сели их послушать. Довольно быстро они пришли к заключению, что голос на записи принадлежит актеру, нанятому САВАК, чтобы дискредитировать Хомейни. При всем политическом радикализме, Хомейни был уважаемым ученым. Зачем ему пускаться в теории заговора и рассказывать, что шах заказал портрет вождя всех шиитов имама Али, где тот изображен голубоглазым блондином, а все потому, что шах хочет, чтобы Ираном завладели американские христиане? Если это не шутка, то наверняка попытка выставить аятоллу в невыгодном свете.[2]

Несколько месяцев спустя министр информации Ирана Дарюш Хомаюн опубликовал в старейшей газете страны «Эттала'ат» программную статью под заголовком «Черно-красный империализм». В статье министр разнес аятоллу по косточкам, обвинил его в сговоре с Советским Союзом (поэтому – красный, черный – цвет исламских фундаменталистов), в сотрудничестве с британской разведкой и гомосексуализме. Однако Хомаюн недооценил популярность изгнанника. 9 января 1978 года на улицы вышло 4 000 студентов с требованиями опровержения. Мощная иранская армия быстро разогнала протестующих, но несколько студентов погибли, многие получили ранения.[3]

Гибель студентов запустила лавину протестов, на которые правительство реагировало несоразмерно жестоко, что быстро привело к дестабилизации страны. По шиитской традиции умерших поминают на сороковой день после смерти, эта церемония называется «арбаин». В день поминовения волнения вспыхнули с новой силой и войска шаха убили еще

[1] Amir Taheri, The Spirit of Allah: Khomeini and the Islamic Revolution (Bethesda, MD: Adler and Adler, 1986), pp. 17–18, 213.

[2] Ibid., p. 18.

[3] Количество жертв протестов в городе Кум по-прежнему остается темой для дискуссии; в различных источниках упоминается от двух до 70 погибших. См.: Charles Kurzman, The Unthinkable Revolution in Iran (Cambridge: Harvard University Press, 2005), p. 37; и Ervand Abrahamian, A History of Modern Iran (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), p. 158.

больше протестующих; потом были новые поминки, и новые протесты, и, наконец, всеобщая забастовка. По оценке ученых, в этих выступлениях участвовало 11 % населения Ирана – больше, чем в русской или французской революциях.[4] К январю 1979 года в изгнание отправился уже шах, а Хомейни триумфально вернулся на родину. Более трех миллионов иранцев вышло на улицы, чтобы поприветствовать аятоллу.[5] Четыре месяца спустя подавляющее большинство иранцев проголосовало на референдуме за объявление Ирана исламской республикой.

Быстрое восхождение Хомейни к вершинам власти удивило сторонников шаха, которые видели, как Иран движется от исламского государства к светскому, где женщины имеют право голоса, а страна поддерживает тесные связи с Западом. То, какими средствами Хомейни в скором времени консолидировал в своих руках власть, удивило студентов, которые поддерживали его, поверив в его обещания свободы и антиимпериалистической демократии, а теперь наблюдали массовые казни политических оппонентов аятоллы.[6] Еще больше удивились политические эмигранты, которые вместе с Хомейни прилетели из Парижа в Тегеран, когда по прошествии двух лет они снова оказались в изгнании, если остались живы.[7]

Но больше всех, наверное, удивился Джимми Картер. В канун 1977 года, за несколько дней до первых студенческих волнений, он провозгласил тост за шаха, сказав: «Под мудрым руководством шаха Иран остается островком стабильности в одном из самых беспокойных регионов мира». Мнение Картера отразилось в отчете ЦРУ, которое в августе 1978 года не придало значения протестам: «Ситуацию в Иране нельзя оценить как революционную или даже как предреволюционную».[8]

Как получилось, что разведка крупнейшей мировой державы проглядела иранскую революцию?

В последние годы холодной войны цели и задачи аналитиков американской разведки начали все более усложняться. Раньше аналитики знали, кто главный противник их страны и какие сведения им нужно добыть: количество ракет SS-9, которые может развернуть Москва, и сколько боеголовок помещается на каждую ракету. Они должны были раскрывать секреты – реальные факты, которые одно правительство скрывало от другого. Однако к 1991 году, когда Советский Союз развалился окончательно, как отмечают в своей книге «Лучшая правда: разведка в информационный век» Брюс Берковиц и Аллан Гудман, у аналитиков появилась новая задача: разгадывать тайны.[9]

Эксперт по компьютерной безопасности Сюзан Ландау считает исламскую революцию в Иране одним из первых признаков того, что разведчикам и аналитикам необходимо было переключиться с секретов на тайны.[10] На первый взгляд Иран был сильным и стабильным союзником Соединенных Штатов в раздираемом конфликтами регионе. Однако столь быстрое свержение шаха и последовавший референдум, который превратил монархию в теокра-

---

[4] Abbas Milani, “Iran’s Islamic Revolution: Three Paradoxes”, Open Democracy, February 9, 2009, http://www.opendemocracy.net/article/iran-s-islamic-revolution-three-paradoxes.html

[5] Abrahamian, History, p. 161.

[6] “Remembering Iran’s 1979 Islamic Revolution”, Morning Edition, NPR program hosted by Steve Inskeep, August 17, 2009, http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=111944123

[7] Taheri, Spirit, chap. 1.

[8] Из августовского отчета ЦРУ за 1978 год, который Гари Сик (Gary Sick) – главный советник Белого дома по Ирану во время революции цитирует в своей книге «All Fall Down: America’s Tragic Encounter with Iran» (New York: Random House, 1985), p. 92.

[9] Bruce D. Berkowitz and Allan E. Goodman, Best Truth: Intelligence in the Information Age (New Haven: Yale University Press, 2002).

[10] Susan Landau, Surveillance or Security: The Risks Posed by New Wiretapping Technologies (Cambridge: MIT Press, 2010), sec. 9.6.

тическое государство во главе с Хомейни, серьезно озадачили правительства всего мира. Революция 1979 года стала для разведок неожиданностью, потому что зарождалась она не во дворцах и бараках, но в домах и мечетях. Даже при более внимательном взгляде на Иран спецы ЦРУ уделяли больше внимания боеспособности и вооружению армии, чем кассетным записям, которые продают на рынках. Аналитики проглядели небольшое изменение: с помощью новых коммуникационных технологий иранское общество стало более связанным как внутри страны, так и с остальным миром.

В книге «Большая революция скромными средствами» Аннабель Среберни и Али Мохаммади, участвовавшие в иранской революции, анализируют события 1979 года и подчеркивают роль технологий двух типов: средств передачи информации из-за границы, и средств, позволявших людям внутри Ирана распространять информацию и делиться ей между собой. Сообщение с внешним миром обеспечивали прямая телефонная международная связь, кассеты с проповедями, которые пересылали по почте, радиопередачи международной службы «Би-би-си». Средствами распространения информации служили домашние кассетные магнитофоны и копировальные автоматы, с помощью которых и возникло движение куда более мощное, чем могли предполагать военные и правительства.[11]

Падение автократических режимов Туниса, Египта и Ливии в 2011 году («арабская весна») снова актуализировало вопрос о роли технологий в создании благоприятных условий для социальных изменений. Так что же – это кассетные магнитофоны свергли шаха? Не в большей степени, чем Facebook изгнал Мубарака. Однако в обоих случаях произошел сдвиг на технологическом, политическом и социальном уровнях, и старые способы прогнозирования изменений перестали работать. В процессе поиска секретов – недостающих сведений в рамках в целом понятной системы – мы легко упускаем из виду тайны: события, которые обретают смысл, только когда мы понимаем, какие изменения претерпела сама система.

Вступая в век все возрастающей глобальной взаимосвязанности, мы становимся свидетелями на первый взгляд незаметных, но повсеместных изменений того, как люди общаются, организуются и принимают решения. У нас появляются новые возможности участвовать в разговорах о местной и мировой повестке, и спорить, и убеждать, и быть убеждаемыми людьми, далекими от наших границ. А спорить у нас есть о чем, поскольку наши экономики все более тесно переплетаются, а наши действия, и как частных лиц, и как граждан разных государств, влияют на климат, здоровье и благополучие друг друга. Вполне закономерно, если по мере возрастания этих связей будет расти и количество сопутствующих тайн.

Тайны, которые вышли на первый план в век глобализации, распространяются далеко за рамки политики. Кредиты, которые выдавали в Соединенных Штатах ненадежным заемщикам, запустили процессы, приведшие к крушению инвестиционных банков, что усложнило межбанковское кредитование, что обрушило исландскую экономику, доля привлеченного капитала в которой была весьма высока. Что, в свою очередь, вызвало гнев британских потребителей, которые в один прекрасный момент обнаружили, что их высокодоходные сберегательные счета в исландских банках просто исчезли.

Свадьба в Гонконге приводит к тому, что Всемирная организация здравоохранения отслеживает смертельную эпидемию, которая перемещается от Торонто до Манилы, распространяясь со скоростью авиалиний. Прямая трансляция тунисской революции побуждает студентов Габона выйти на улицы с требованием понизить плату за обучение, а рабочих активистов Висконсина – осадить столицу штата. Корейская поп-песенка, высмеивающая приземленные ценности благополучного района Сеула, каким-то извилистым путем неожиданно становится всемирным танцевальным хитом.

---

[11] Annabelle Sreberny Mohammadi and Ali Mohammadi, Small Media, Big Revolution: Communication, Culture, and the Iranian Revolution (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994).

Чтобы узнавать секреты, нужно подсчитать шахты ракет на спутниковых снимках или провести подробный инструктаж двойных агентов. А вот для предотвращения банковского кризиса или борьбы с атипичной пневмонией нам нужны другие навыки и умения. «Для раскрытия тайны требуется глубокое, зачастую нестандартное мышление и полная картина мира вокруг этой тайны», – считает Ландау.[12]

Повсеместное распространение интернета означает, что в наших руках оказались новые источники знаний о том, что происходит в других частях света. Прочесть первую полосу газеты с другого континента бывает легче, чем издание соседнего города. Бесплатная онлайн-энциклопедия предлагает сведения о событиях, их предпосылках и контексте, которые еще десять лет назад нужно было искать в хорошей библиотеке. Google обещает структурировать всю мировую информацию и сделать ее доступной для всех; мы уже привыкли запрашивать его и другие поисковые системы по поводу самых разнообразных секретов: достаточно напечатать «Сколько у СССР ракет SS-9» и нажать «Мне повезет».

Все эти ресурсы помогают нам узнать то, что мы хотим, а вот узнать то, что нам стоило бы, они пока помочь не в состоянии. То, что мы хотим узнать, формируется нашими представлениями о том, что и кто является важным. За новостями нашего города мы следим внимательнее, чем за тем, что происходит за океаном, и жизнью наших друзей интересуемся больше, чем судьбой далеких незнакомцев. Такой подход отражается в наших информационных ресурсах – от газет до социальных сетей; они помогают нам найти то, что мы хотим, но далеко не всегда то, что нам нужно.

Что нам нужно, чтобы понять сложный и взаимосвязанный мир? Это вопрос не только для агентов разведки. Эпидемиологи и руководители предприятий, специалисты по охране окружающей среды и банкиры, политические лидеры и активисты – все стараются справиться с вызовами глобального мира. Нам всем бывает важно встать на точку зрения жителей другой части света, выслушать мнение, расходящееся с нашими сложившимися представлениями, и уделить внимание незнакомому и неожиданному.

От раскрытия секретов к распутыванию тайн мы движемся не только по собственной воле. Наше понимание мира обусловлено средствами, которые мы используем для его познания. Некоторыми из этих средств мы пользуемся уже много веков, другие изобрели буквально в последние десятилетия. Но и те и другие можно усовершенствовать, чтобы они еще лучше помогали нам понимать и исследовать этот мир.

Мы способны создать новые средства, которые помогут нам понять, к чьим голосам мы прислушиваемся, а чьи оставляем без внимания. Мы можем облегчить понимание иноязычных разговоров и сотрудничество с представителями других стран и народов. Мы можем сознательно инспирировать озарения, собирать и использовать неожиданные открытия. Малой доли интеллектуальных усилий, которые пошли на создание сегодняшнего интернета, хватило бы на построение сети, которая помогала бы нам лучше узнавать, шире открывать и глубже понимать наш большой мир.

Мы можем и должны устанавливать новые соединения.

[12] Landau, Surveillance, p. 216.

Отключение

Глава первая. Взаимосвязанность, инфекция, вдохновение

Заселяясь в номер 911 гонконгского отеля «Метрополь», доктор Лю Жианлун уже чувствовал себя неважно. 21 февраля 2003 года шестидесятичетырехлетний профессор медицины приехал на свадьбу родственников, но вместо ощущения праздника испытывал сильное утомление. Предыдущие три недели он подолгу задерживался на работе в больнице имени Сунь Ятсена в Гуанчжоу, куда попали сотни пациентов с атипичной пневмонией.[13]

Прогулявшись с шурином по городу, доктор Лю пораньше вернулся в гостиницу. На следующее утро он вышел на Ватерлоо-роуд, добрался до больницы Квонг-Ва и сдался врачам. Уже задыхаясь, он предупредил врачей и медсестер, что является носителем особо опасной инфекции и его нужно поместить в карантинный бокс.[14]

Спустя десять дней Доктор Лю скончался от тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС). Его шурин также вскоре умер. Доктор Лю не был первой жертвой ТОРС, однако его случай выявил способность этой болезни быстро распространяться на большие расстояния. В результате всемирная эпидемия, способная поразить миллиарды, унесла жизни 916 человек.[15]

К моменту, когда доктор Лю, наконец, оказался в карантине, от него уже заразились 12 постояльцев с девятого этажа отеля «Метрополь». Среди инфицированных оказались граждане Сингапура, Австралии, Филиппин, Канады, а также Китая и Гонконга.[16] Одним из тех, кому не посчастливилось получить номер на девятом этаже, был Джонни Чэн, проживавший в Шанхае американский бизнесмен. Он покинул гостиницу через два дня после того, как доктор Лю в нее заселился, и отправился в Ханой. Спустя несколько дней он заболел и оказался во Французском госпитале Вьетнама.

Когда вьетнамские доктора не смогли диагностировать его заболевание, они обратились к Карло Урбани, главному инфекционисту Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по Западно-Тихоокеанскому региону. Будучи опытным диагностом, доктор Урбани быстро определил, что Чэн умирает от чего-то очень заразного. Он немедленно встретился с вьетнамскими властями, чтобы в больницах страны приняли активные меры по предотвращению эпидемии. Однако к консультациям доктора Урбани прибегли, когда Чэн уже заразил 80 пациентов и работников больницы.

11 марта вьетнамское правительство объявило карантин и изолировало Французский госпиталь. В это время Урбани летел из Ханоя в Бангкок на медицинскую конференцию. Во время полета он почувствовал сильный жар – один из ранних симптомов заболевания. Сойдя с самолета, Урбани изолировал себя и позвонил коллеге из американского Центра по контролю и профилактике заболеваний доктору Скотту Доуэллу, который встретил его в аэропорту. Сидя на расстоянии трех метров, они проговорили почти два часа, пока тайские власти готовили машину скорой помощи и медицинских работников с достаточно защитной

---

[13] Chris Taylor, “The Chinese Plague”, World Press Review 50 (2003), http://www.worldpress.org/Asia/1148.cfm

[14] Tim Spanton, “World’s Deadliest Cough”, Sun, July 28, 2007, http://www.thesun.co.uk/sol/homepage/news/158143/Worlds-deadliest-cough.html

[15] “SARS FAQ”, Disaster Center, http://www.disastercenter.com/Severe%20Acute%20Respiratory%20Syndrome.htm

[16] Simon More, “Severe Acute Respiratory Syndrome (SARS)” (Power-Point presentation at EADGENE Workshop on Interpreting Field Disease Data, Edinburgh, Scotland, February 1–2, 2010).

экипировкой, чтобы перевести Урбани в больницу.[17] Несмотря на крепкое здоровье Урбани, медики считают, что, работая с пациентами, он десятки раз подвергался воздействию вируса, пока вирусная нагрузка не пробила его иммунную систему. Урбани скончался 29 марта.

Если вы были в Соединенных Штатах во время появления атипичной пневмонии, у вас, возможно, сохранились смутные воспоминания об ограничениях на поездки и неожиданно большом количестве иностранцев в медицинских масках. В США было установлено лишь двадцать семь случаев заболевания, тогда как в Китае зараженных было более семи тысяч. За пределами США болезнь произвела куда более заметный психологический эффект. Специалист по мировому здравоохранению Лори Гаррет пишет по этому поводу: «Большинство американцев вскоре забыли про атипичную пневмонию, однако для многих жителей Азии и Канады период с ноября 2002 по июнь 2003 года стал таким же памятным, как 11 сентября для людей из Нью-Йорка и Вашингтона».[18]

Подобная реакция вполне объяснима: атипичная пневмония – страшное заболевание. Чтобы заразиться, не нужен прямой физический контакт – достаточно некоторое время находиться вблизи инфицированного. Инкубационный период может проходить до десяти дней без каких-либо внятных симптомов, и, значит, носители, перемещаясь, могут распространять инфекцию на огромные расстояния и один человек может заразить десятки, а то и сотни. И примерно в одном из десяти случаев болезнь приводит к летальному исходу.

Во время вспышки 2002/03 годов инфекция распространялась так быстро, что поначалу даже спровоцировала новый виток теории заговора. Мысль, высказанная малоизвестным российским ученым, стала популярной в китайских чатах: столь опасный и быстро распространяющийся вирус наверняка придумал человек.[19] Однако правда оказалась еще более странной и, пожалуй, еще более тревожной. К апрелю 2003 года ученые ВОЗ обнаружили, что вирус ТОРС происходит от гималайской циветты, хищника размером с крупную кошку, обитающего, в частности, в Южном Китае. Как и эбола, сибирская язва и хантавирус, ТОРС пришел из животного мира. Животным вирус может и не приносить вреда, однако от них он передается людям. Межвидовой барьер ТОРС, скорее всего, преодолел через кровь убитых циветт, мясо которых продается на южнокитайских рынках. А от тех, кто употреблял циветт в пищу, вирус уже через людей добрался до доктора Лю и доктора Урбани.

Длительный инкубационный период и легкость передачи – качества, как будто специально созданные для глобального мира. Такие «суперраспространители», как доктор Лю или Джонни Чэн, профессионалы, постоянно перемещающиеся по воздуху из одного глобального города в другой, приносили с собой и вирус. На одном только рейсе China Airways 112 из Гонконга в Пекин 15 марта один пассажир заразил 22 из 126 своих попутчиков.[20] По мере распространения паники люди стали бояться самолетов, общественного транспорта и других общедоступных пространств глобальных мегаполисов. Нахождение в одном помещении с тысячами незнакомых людей – столь привычное для больших городов – вдруг оказалось неоправданно рискованным делом. Как по Эдварду Лоренцу причиной торнадо в Канзасе оказывался взмах крыльев бабочки в Бразилии, чей-то ужин в Китае мог теперь привести к госпитализации в Канаде.

---

[17] Donald J. MacNeil Jr., “Disease’s Pioneer Is Mourned as a Victim”, New York Times, April 8, 2003, http://www.nytimes.com/2003/04/08/science/disease-s-pioneer-is-mourned-as-a-victim.html

[18] Laurie Garrett, “Outbreak”, review of China Syndrome: The True Story of the 21st Century’s First Great Epidemic by Karl Taro Greenfeld, in Washington Post, April 9, 2006, http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/06/AR2006040601666.html

[19] Alexander Batalin, “SARS Pneumonia Virus, Synthetic Manmade, according to Russian Scientist”, Global Research, November 10, 2003, http://globalresearch.ca/articles/BAT304A.html

[20] World Health Organization, SARS: How a Global Epidemic Was Stopped (Geneva: WHO Press, 2006), chap. 15.

В итоге ТОРС распространился по 32 странам на всех континентах, за исключением Антарктиды, однако пострадало от него лишь 8 422 человека. И хотя распространение вируса с ноября 2002 по март 2003 года шло по экспоненте, к июлю 2003 года ВОЗ смогла уверенно заявить о подавлении эпидемии.[21] В конце концов самым замечательным в истории с атипичной пневмонией стала не скорость ее распространения, но то, как быстро ее удалось остановить.

Сравним статистику по ТОРС с более ранней эпидемией испанского гриппа. С 1918 по 1920 год треть населения мира, примерно полмиллиарда человек, заразилась смертельной формой гриппа, унесшей около 50 миллионов жизней.[22] На самом деле испанка менее опасна, нежели атипичная пневмония. Смертность от испанки достигала 2,5 %, впрочем, многие болели ей не один раз. От атипичной пневмонии умерло 9,6 % зараженных, и особую опасность она представляла для пожилых людей, смертность среди которых достигала более 50 %. Испанка, как и ТОРС, охватила почти весь мир – вспышки были зафиксированы на далеких тихоокеанских островах и за полярным кругом. Однако носители вируса испанки передвигались в эти отдаленные уголки на пароходах и поездах, а не на трансатлантических авиарейсах. Так почему же ТОРС, столь опасная болезнь, так хорошо приспособленная для глобального распространения, унесла сравнительно немного жизней?

Пожалуй, самую существенную роль в этом сыграл интернет. Остановить атипичную пневмонию стало возможным благодаря глобальному сотрудничеству и коммуникациям, а способность врачей по всему миру быть постоянно на связи и обмениваться информацией онлайн сделала сеть основной линией фронта борьбы с болезнью.

Приведя вьетнамские власти в состояние повышенной готовности, итальянский диагност доктор Урбани запустил глобальный процесс по идентификации, диагностированию и сдерживанию ТОРС, процесс, которым руководила Всемирная организация здравоохранения. Через шесть дней после того, как Урбани приземлился в Бангкоке, ВОЗ запустила защищенный сайт, на котором проводились видеоконференции, координировавшие усилия исследователей в лабораториях по всему миру. Они обменивались рентгеновскими снимками легких, чтобы разработать протокол диагностики, который потом разослали по больницам всего мира вместе с рекомендациями по карантину инфицированных пациентов. Эти меры оказались чрезвычайно эффективными – 90 % всех инфицированных ТОРС заболели до того, как ВОЗ распространила свои рекомендации. Для обнаружения уже существующих и новых вспышек атипичной пневмонии ВОЗ использовала GPHIN (Global Public Health Intelligence Network) – Всемирную информационную сеть общественного здравоохранения. Это программный инструмент, разработанный канадским министерством здравоохранения, который сканирует ленты новостей и другие интернет-ресурсы на упоминание возможных вспышек ТОРС и других необъяснимых случаев заболевания. Более трети выявленных GPHIN слухов привели ВОЗ к реальным вспышкам атипичной пневмонии, которые были обнаружены и блокированы.[23]

ВОЗ пришлось отслеживать публикации в газетах и социальных сетях еще и потому, что не все правительства предоставили точные сведения о распространении заболевания. Из всех стран сильнее всего болезнь поразила Китай, при этом китайское правительство больше других препятствовало предоставлению информации о количестве инфицированных, что, конечно, взаимосвязано. Спустя более чем две недели после всемирного предупреждения ВОЗ китайские власти публично заявляли, что в Пекине зафиксировано всего двенадцать

[21] “Summary Table of SARS Cases by Country, 1 November 2002–7 August 2003”, World Health Organization, August 15, 2003, http://www.who.int/csr/sars/country/country2003_08_15.pdf

[22] Jeffery Taubenberger and David Morens, “1918 Influenza: The Mother of All Pandemics”, Emerging Infectious Diseases 12 (2006), http://wwwnc.cdc.gov/eid/article/12/1/05–0979_article.htm

[23] World Health Organization, SARS, introd.

случаев атипичной пневмонии. Пекинский доктор Жианг Янйонг лично лечил более пятидесяти инфицированных и понимал, что цифры, приводимые властями, сильно занижены. О своих опасениях он написал имейл на пекинское и гонконгское телевидение, откуда его письмо переслали в газету Wall Street Journal и журнал Time, которые и привлекли к его соображениям внимание мировой общественности.[24] Менее чем через две недели после публикации в Time статьи о ТОРС в Пекине министр здравоохранения Китая и мэр Пекина были уволены. Новый мэр, следуя инструкциям ВОЗ, закрыл школы, дискотеки и театры. Так международное внимание вернуло Китай в ряды всемирной борьбы с атипичной пневмонией.

Возможность делиться информацией, находясь в разных местах, помогла свести к минимуму вызванные ТОРС и карантинами нарушения привычных связей. В Сингапуре, который пострадал от атипичной пневмонии одним из первых, всех инфицированных поместили в одну палату, а после лечения выпустили на домашний карантин, который отслеживался через установленную правительством видеосвязь. Сингапурские власти также не рекомендовали представителям местной китайской общины отмечать Цинмин – традиционный праздник поминовения усопших, когда принято ходить на кладбища и прибираться на могилах предков. Правительство проявило новаторство и в этом вопросе: опасаясь большого скопления людей на кладбищах, власти призывали жителей воспользоваться онлайн-сервисом, позволяющим покупать приношения и оплачивать работу кладбищенского служащего, который приберется и оставит приношение от их имени.[25]

Описывая успех ВОЗ в блокировании распространения атипичной пневмонии, директор ВОЗ по Западно-Тихоокеанскому региону доктор Шигеру Оми размышляет о том, что, если бы не международные авиалинии, болезнь никогда бы не вышла за пределы небольшой региональной вспышки, а ВОЗ не удалось бы так быстро с ней справиться, не будь у нее такого союзника, как интернет. Будь то врачи разных континентов, вместе изучающие рентгеновские снимки, или госслужащие Торонто и Сингапура, обсуждающие условия карантинов, связь позволяет осуществлять важнейшие совместные проекты, впрочем, как и способствует распространению инфекции.

Эпидемия раскрывается, подобно тайне. Мы не знаем, в какой точке планеты она вспыхнет и какие ранее вполне привычные и безопасные действия однажды приведут к ее распространению по всей планете. Чтобы диагностировать и остановить эпидемию, доктор Оми и другие ученые должны быть в курсе как локальных, так и общемировых событий. Широкий взгляд на мир является обязательным условием для определения потенциальной опасности и нахождения оригинального решения проблемы. Всемирная информационная сеть общественного здравоохранения (GPHIN), с помощью которой исследователи ВОЗ собирали слухи и сведения из газет и интернет-ресурсов, оказалась столь полезной именно потому, что искала ТОРС не только в Китае и Гонконге, но во всех уголках света.

ТОРС – это одна из многих глобальных проблем, с которыми мы сегодня сталкиваемся. Нерешенных вопросов еще очень много: быстро меняющийся климат, взаимосвязанные и неустойчивые финансовые системы, конкуренция за пахотные земли и прочие исчерпаемые природные ресурсы. Глядя в будущее с оптимизмом, мы видим множество подобных GPHIN сетей, которые, сканируя горизонт событий, выявляют угрозы, новые возможности и тут же предлагают решения, но все еще нераскрытая тайна бытия как бы намекает, что перспективы наши по-прежнему туманны.

---

[24] “SARS Whistle-blower Breathing a Sigh of Relief”, China News Daily, May 21, 2003, http://english.peopledaily.com.cn/200305/21/eng20030521_117004.shtml

[25] Paul Dourish and Genevieve Bell, Divining a Digital Future: Mess and Mythology in Ubiquitous Computing (Cambridge: MIT Press, 2011), p. 33.

* * *

Если бы в 2010 году вы собрали экспертов по Ближнему Востоку и спросили их, каких они ожидают изменений в будущем году, едва ли кто-нибудь из них предсказал бы «арабскую весну». И уж точно никто из них не назвал бы Тунис возможной точкой возгорания, события в которой повлекут за собой цепную реакцию. Этой североафриканской страной с 1987 года практически безраздельно правил Зин эль-Абидин Бен Али и с тех пор успел привлечь на свою сторону, посадить в тюрьму или выслать за границу всех, кто мог бы конкурировать с ним за власть. Когда в декабре 2010 года зеленщик Мохаммед Буазизи совершил самосожжение, ожидать что его личный протест против коррумпированного правления выплеснется за пределы его родного городка Сиди-Бузид, особых причин не было.[26] Ведь раньше сочетание армейских кордонов, силового подавления протестов, подхалимства местных и жестких ограничений на работу международных СМИ гарантировало то, что информация о выступлениях далеко не распространится.

Только не в этот раз. Видео протестов в Сизи-Бузид, снятые на мобильные телефоны и загруженные в Facebook, дошли до тунисских диссидентов в Европе. Они собрали эти кадры, перевели, снабдили пояснениями и отправили в «Аль-Джазиру» и в другие сочувствующие телекомпании. Популярная в Тунисе «Аль-Джазира» не только информировала зрителей о выступлениях, проходящих в других уголках страны, но и исподволь приглашала их к участию. Бен Али вышел в эфир и то умолял протестующих разойтись, то угрожал им расправой, если они не послушаются. Когда его режим дрогнул и пал, видеозаписи протестов распространились по региону, спровоцировав подобные выступления более чем в дюжине стран, что в итоге привело к падению Хосни Мубарака в Египте и Муаммара Каддафи в Ливии.

Сегодня влияние тунисской революции не оспаривается, однако во время протестов, приведших к изгнанию Бен Али, большей части мира о них было почти ничего не известно. New York Times впервые упомянули о Мохаммеде Буазизи из Сиди-Бузида 15 января, на следующий день после того, как Бен Али бежал из страны.[27] Американская журналистка ливанского происхождения Октавия Наср следила за развитием событий с самого начала и в интервью телекомпании PBS выразила свое неудовольствие: «Четыре недели наши СМИ обходили Тунис стороной. Они не обращали на ситуацию внимания, пока она не стала критической прямо у них на глазах и игнорировать ее дальше было нельзя».[28]

Некоторые наблюдатели выдвигают предположение, что в молчании американских и европейских СМИ отразилась позиция правительств, поддерживающих Бен Али: поскольку Соединенные Штаты видели в нем полезного союзника, СМИ не торопились освещать эту историю. Такой продуманный и циничный сценарий тем не менее не объясняет, почему движение, которое свергло Мубарака, ближайшего союзника США в регионе, получило столь широкую огласку в американских СМИ, заметивших революцию в Тунисе, только когда она уже завершилась.

---

[26] Rania Abouzeid, “Bouazizi: The Man Who Set Himself and Tunisia on Fire”, Time, January 21, 2011, http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2044723,00.html

[27] David Kirkpatrick, “Tunisia Leader Flees and Prime Minister Claims Power”, New York Times, January 14, 2011, http://www.nytimes.com/2011/01/15/world/africa/15tunis.html; Robert Mackey’s blog, The Lede (blog), New York Times, references Bouazizi two days earlier: “Tunisians Document Protests Online”, January 12, 2011, http://thelede.blogs.nytimes.com/2011/01/12/tunisians-document-protests-online

[28] Sal Gentile, “Octavia Nasr: US Media Missed ‘the Anatomy’ of Tunisia’s Revolution”, PBS Need to Know, January 21, 2011, http://www.pbs.org/wnet/need-to-know/the-daily-need/octavia-nasr-u-s-media-missed-the-anatomy-of-tunisias-revolution/6668

Этому есть объяснение попроще и без всяких заговоров: большинство американцев и европейцев пропустили революцию в Тунисе просто потому, что не обратили на нее внимания. Протесты вошли в решающую стадию в период Рождества и Нового года, когда большинство населения увлечено мыслями о родственниках и друзьях, а не событиями в мире. Подконтрольная правительству тунисская пресса замалчивала выступления, а сайты независимых СМИ, следивших за событиями, были мало известны за пределами тунисской диаспоры.

Как выяснилось, разведывательные круги США тоже не слишком внимательно следили за развитием ситуации. Позднее президент Обама сделал выговор директору Национальной разведки США Джеймсу Куперу, заявив, в частности, что он «не доволен деятельностью разведки», которая не смогла спрогнозировать падение правительств Бена Али и Мубарака. Председатель сенатской комиссии по разведывательному ведомству сенатор Диан Фейнштейн удивлялась, почему протесты, распространившиеся главным образом через социальные сети, оказались вне поля зрения военной разведки: «Неужели никто не смотрел, что там в интернете происходит?»[29]

Боремся ли мы с эпидемией TOPC или реагируем на геополитические сдвиги, вызванные «арабской весной», чтобы иметь возможность предугадывать угрозы, прогнозировать возможности и видеть связи, нам необходима более широкая картина мира. Существование мобильной телефонии, спутникового телевидения и интернета предполагает возможность передавать не виданные ранее объемы информации из любой точки планеты. Однако основной парадокс века тотальной связи в том и заключается, что, несмотря на беспрецедентные возможности по обмену сведениями и мнениями между разными частями света, мы нередко сталкиваемся с более узкой картиной мира, нежели в эпоху, когда связь еще не была столь всеобъемлющей.

Сорок лет тому назад, во время вьетнамской войны, отснятые для телерепортажа пленки с линии фронта нужно было сначала перевезти из Юго-Восточной Азии на самолете, потом проявить, смонтировать и только после этого пустить в эфир – все это занимало несколько дней. В наши дни любой кризис – будь то природный катаклизм или неожиданный военный переворот – можно наблюдать в реальном времени с помощью спутниковой связи. Технология заметно упростила работу репортеров, при этом доля международных новостей в эфире американского телевидения сократилась более чем вдвое.[30]

Сегодня, когда к интернету подключены два миллиарда человек, а доступ к мобильной связи есть у шести миллиардов,[31] получить прогноз погоды на Мали или репортаж о политической жизни в Бихаре стало проще, чем когда-либо в истории человечества. Сегодня проблема не в доступности информации, проблема – во внимании, которое мы готовы ей уделить. Проблема эта усугубляется глубоко укорененным свойством уделять несравнимо большее внимание событиям, которые разворачиваются в непосредственной близости и оказывают прямое влияние на нас, наших друзей и родственников.

---

[29] Kimberly Dozier, “Intelligence Community under Fire for Egypt Surprise”, Associated Press, http://www.msnbc.msn.com/id/41423648/ns/politics-more_politics/t/intelligence-community-under-fire-egypt-surprise/#.UGNE_Pl27_A

[30] В своей книге «The Restless Searchlight: Network News Framing of the Post Cold-War World» Пиппа Норис (Pippa Norris) приводит результаты исследования международных новостей на телевидении конца 1960–1970-х годов, доля которых составляла от 25 до 40 % всего новостного вещания, http://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/Restless%20Searchlight.pdf Алиса Миллер (Alisa Miller), цитируя работу «Project for Excellence in Journalism» («Проект по совершенствованию журналистского мастерства»), оценивает долю иностранных и международных новостей на современном телевидении в 10 %, из Media Makeover: Improving the News One Click at a Time (TED Books: 2011), Kindle ed.

[31] «Услуги мобильной телефонии на сегодня доступны трем четвертям населения планеты». Из пресс-релиза Всемирного банка от 17 июля 2012 года, http://www.worldbank.org/en/news/2012/07/17/mobile-phone-access-reaches-three-quarters-planets-population

В «Шести рукопожатиях» – исследовании таких сетевых феноменов, как эпидемии, повальные увлечения и финансовые кризисы, – математик Дункан Ваттс доказывает, что сегодня на нашу жизнь влияют события географически от нас весьма далекие. «Если что-то происходит далеко-далеко и на непонятном вам языке, это не значит, что вас это не касается, – пишет Ваттс. – Тот, кто не понимает этого, не усвоил первый важнейший урок взаимосвязанного века: у всех у нас свой груз ответственности, но хотите вы этого или нет, отвечать нам приходится также и друг за друга».[32]

Необходимость нести ответственность друг за друга заставляет нас переосмыслить то, как мы получаем знания об остальном мире, как мы планируем и принимаем решения, как мы управляем государством и учим детей. Все эти изменения дадутся нам не просто, но все они исходят из простой предпосылки: мы должны начать видеть себя не только гражданами определенной страны, но и гражданами всего мира. Эта идея, конечно, не нова. Одно из ее первых сохранившихся письменных свидетельств восходит к греку, родившемуся в четвертом веке до нашей эры.

Космополитизм

Диоген передвигался только пешком или по морю, тем не менее ему удалось осмотреть значительную часть известного его народу мира. Изгнанный из родного Синопа (на побережье Черного моря, сегодня принадлежит Турции),[33] Диоген оказался без гроша на улицах Афин, а затем Коринфа. Следуя учению Антисфена, одного из учеников Сократа, Диоген стал аскетом, что, наверное, было наилучшим карьерным решением, поскольку от земных благ его уже и так избавили. Сведений о его полулегендарной жизни совсем немного, однако большинство специалистов по античности сходятся на том, что Диоген был бездомным и спал в деревянной бочке на галереях афинских храмов.

В своей книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов»[34] Диоген предстает чем-то средним между Вуди Алленом и Олд Дерти Бастардом – выдает саркастические замечания и всячески нарушает приличия. Когда на Агоре его поймали за занятием онанизмом, Диоген не стал извиняться, а сказал, что хорошо, если бы голод утолялся так же – достаточно было бы потереть живот. Когда некоторые соотечественники стали называть его псом (по-гречески κύων, отсюда «циник») и взяли за привычку кидать ему со стола объедки, он отреагировал во вполне собачьем стиле – помочился на своих благодетелей. Одни историки считают Диогена новатором в области философии и важнейшим критиком Платона, другие видели в нем яркого безумца.

При всех странностях своего поведения больше всего Диоген известен тем, что отказывался признавать себя афинянином или синопцем. Вместо этого он объявил себя гражданином вселенной – космополитом: (κόσμος – вселенная, πόλις – город). Диогенов космополитизм нельзя отнести к базовым философским понятиям греческой античности, напротив, это была весьма радикальная позиция. В мире Диогена практически каждый идентифицировал себя с городом-государством, в котором родился и жил. Диоген не столько идентифицировал себя со всем миром, сколько отказывался от ключевого социального признака его эпохи: места происхождения.

---

[32] Duncan J. Watts, Six Degrees: The Science of a Connected Age (New York: W. W. Norton, 2004), p. 283.

[33] Что послужило причиной изгнания Диогена, по-прежнему до конца не выяснено. В одном из источников говорится, что его наказали за «ущерб денежной системе». Историки по-прежнему пытаются выяснить что именно это означает. То ли Диоген и его отец, который, вероятно, был казначеем Синопа, подворовывали, то ли он нанес ущерб денежной системе, отрицая ее как таковую.

[34] Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. и примеч. М. Л. Гаспарова; общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1979.

Какой бы рискованной позицией ни был космополитизм Диогена в его время, объявить себя космополитом всегда было легче, нежели по-настоящему жить в большом мире.

Со времен Диогена прошло две с половиной тысячи лет, однако возможность взаимодействовать с жителями других частей света появилась у людей совсем недавно. В 1800 году 97 % мирового населения составляли сельские жители.[35] И хотя некоторые сталкивались с другими культурами через приезжих купцов и прочих путешественников, большинство людей никогда не видели человека, который говорил бы на другом языке или поклонялся другому богу. Те три процента, что жили в городах, таких как Афины, до 1800 года, имели редкую возможность беседовать, торговать и отправлять культы рядом с людьми иного происхождения, языка и вероисповедания. И хотя эти первые города и были колыбелью настоящего космополитизма, мы, вероятно, переоцениваем степень имевшего там место культурного взаимопроникновения.

В недавнем исследовании историк Маргарет Джейкоб изучила описания торговых бирж XVIII века в самых космополитичных городах Европы. В описаниях тех лет Джейкоб и обнаружила, что, несмотря на участие маклеров со всей Европы и других континентов, границы между этими группами были незыблемы: «В 1780 году прибывший из Франции инженер набросал схему помещения Лондонской биржи, по которой видно, что разделение конкурирующих групп определялось не только профессией, но и подданством, и религиозной принадлежностью. В плане указаны не только знакомые уже нам классификации place hollandaise, place des Indes Orientales, place Française (*фр.* – место голландцев, место остиндийцев, место французов), но и новые подвиды: “место квакеров”, “место иудеев”…» Эти маклеры жили в Лондоне и работали на крупнейшей мировой бирже своего времени, однако основу их идентичности составляла национальная и религиозная принадлежность.

По описаниям Лондон XVIII века удивительным образом напоминает сегодняшние мультикультурные города. Вспомним Нью-Йорк, жители которого знают, что на Брайтон-Бич обитают тысячи русскоговорящих, во Флашинге – большое сообщество китайцев, в Боро-Парке – ортодоксальные евреи и хасиды. Преимущество современных мегаполисов еще и в том, что с разнообразием обычаев, еды и идей соприкасаешься, либо случайно сталкиваясь с соседями, либо осознанно сев в метро, чтобы добраться до другого района. Но как часто с нами такое случается? «Претворить идеи космополитизма в жизнь, – замечает Джейкоб, – куда сложнее, чем построить пространство, где люди разных культур жили бы бок о бок».[36]

В 2006 году признанный социолог Роберт Патнэм опубликовал «Рейтинговое исследование социального капитала», результаты которого говорят о том, что американцам еще предстоит пройти долгий путь, прежде чем они смогут оценить преимущества таких космополитичных городов, как Нью-Йорк. Судя по исследованию Патнэма, «люди, живущие в атмосфере этнического разнообразия, склонны “уходить в глухую оборону”».[37] Они с меньшей охотой голосуют, участвуют в общественных инициативах, жертвуют благотворительным организациям или работают волонтерами, чем американцы, живущие в менее этнически разнообразных городах. У них меньше веры в способность правительства решать проблемы, меньше друзей, они ниже оценивают свое качество жизни.

Раньше социологи предполагали, что контакт между этническими группами ведет либо к улучшению социальных связей, либо к межгрупповому конфликту – «контактная теория» против «конфликтной». Патнэм считает, что данные исследований американских

---

[35] “The World Goes to Town”, Economist, May 3, 2007, http://www.economist.com/node/9070726

[36] Margaret C. Jacob, “The Cosmopolitan as a Lived Category”, Daedalus 137, no. 3 (Summer 2008): 18–25.

[37] Robert D. Putnam, “E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century: The 2006 Johan Skytte Prize Lecture”, Scandinavian Political Studies 30 (2007): 137–74.

городов указывают на третий путь – «теорию сужения», когда, сталкиваясь с разнообразием, люди сторонятся друг друга и уклоняются от контактов.[38] Если «теория сужения» Патнэма верна, если она объясняет и наше поведение в сети, то перед нами встают неприятные вопросы о потенциальных возможностях интернета и их реальном воплощении. Непросто налаживать связи с людьми другой культуры, даже если они живут в соседнем доме или в одном с вами городе. Уделять внимание проблемам и заботам людей, живущих на другом конце света, еще сложнее.

Американскому философу ганского происхождения Куаме Энтони Аппиа пришлось как следует поразмышлять о космополитизме и присущих ему возможностях и рисках. Воспитанный между Кумаси и Лондоном, сын британского историка искусства и ганского политика, западным философам Аппиа объяснил тонкости религиозной системы ашанти, а своим родственникам в Кумаси – свою позицию открытого гомосексуалиста. Космополитизм, считает Аппиа, – это нечто много большее, нежели умение терпимо относиться к тем, чьи ценности и верования отличаются от наших. Мы можем проявлять толерантность к оскорбляющим наши чувства практикам, просто отвернувшись или не обращая на них внимания, однако такого рода толерантность может привести нас к состоянию глухой обороны, о котором предупреждает Патнэм; состоянию, когда, сталкиваясь с отличиями, мы намеренно ограничиваем свои контакты с внешним миром. Аппиа же, напротив, призывает нас впитывать все самое интересное, плодотворное, созидательное, что проистекает из этих различий.

Основными качествами космополитов Аппиа считает, во-первых, интерес к верованиями и практикам других, желание если не принять и адаптировать, то по крайней мере понять другие способы существования. Как он сам это поясняет: «Достойных изучения путей развития у человечества столько, что никто не ждет, что каждый человек или общество будет ограничивать себя лишь одной моделью».[39] Во-вторых, космополиты вполне серьезно воспринимают свои обязанности перед людьми других культур, даже если их представления в корне отличаются от наших. Наш долг – засвидетельствовать и задокументировать причины, по которым страдают представители иных культур, помочь всем, что в наших силах, и вне зависимости от степени различий относиться ко всем людям на нашем пути как к членам большой, единой семьи.

Из этого двухчастного определения выходит, что, если мне нравятся суши и афропоп, это еще не значит, что я космополит. Этим званием Аппиа награждает лишь тех, кто серьезно воспринимает, а то и действует в соответствии с обязательствами перед людьми и народами, создавшими и блюдо, и музыку. Космополитизм – это тем более не универсальная любовь к человечеству, в особенности выражаемая стремлением «спасти» других через христианство, ислам, демократию или другую миссионерскую религию. Самое время всерьез задуматься о том, что другие возможности нужно изучать и обсуждать, а не подвергать мгновенному осуждению и отрицанию.[40] Открыв для себя такие возможности, мы можем оказаться слегка дезориентированы и не совсем в своей тарелке. Однако для тех, кто стремится к глубокому пониманию действительности, множественность может стать мощным источником вдохновения.

---

[38] Ibid.

[39] Kwame Anthony Appiah, Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers (New York: W. W. Norton, 2007), p. xv.

[40] Такие высказывания отдают моральным релятивизмом, однако от подобных обвинений Аппиа защищается, провозглашая общие для всех культур универсальные ценности, которые лишь маскируются разнообразными табу, имеющими локальный характер применения и распространения.

Как мы познаем мир

Весной 1907 года Пабло Пикассо пришел в гости к Гертруде Стайн на ее парижскую квартиру. Туда же заглянул Анри Матисс, чтобы показать африканскую скульптуру, которую он приобрел у парижского дилера Эмиля Эйменна. Это была маска племени дан, обитавшего в западной части Кот-д'Ивуара.[41] Пикассо был очарован маской и вскоре после этого потащил своего друга Андре Дерена в Этнографический музей Трокадеро – первый в Париже музей, посвященный антропологии. Сперва Пикассо ждало разочарование: «Запах плесени и запустения схватил меня за горло. Я так расстроился, что тут же решил уйти[42]». Даже тридцать лет спустя Пикассо рассказывал, как его преследует запах этого «ужасного музея».[43]

К счастью для живописи, Пикассо пересилил первоначальное отвращение: «Я заставил себя остаться, внимательно рассмотреть маски и другие объекты, созданные людьми для целей сакральных и магических, чтобы те служили посредниками между ними и неизведанными, враждебными силами, их окружавшими; придав вещам форму и цвет, они хотели преодолеть свои страхи. И тогда я понял, что такое живопись на самом деле».[44]

Посещение музея Трокадеро обозначило начало того, что Пикассо называл période nègre – африканского периода его творчества. В тот же год художник создал один из своих шедевров – «Les Demoiselles d'Avignon» – выразительный портрет пяти обнаженных девушек, лица двух из них сильно напоминают западноафриканские маски. Пикассо стал коллекционировать африканское искусство, выставляя маски и статуэтки вдоль стен своей мастерской, а африканские темы еще не раз встречались в его творчестве, в частности в написанной незадолго до смерти картине «Музыкант с гитарой» (1972).[45] Специалисты считают, что на такие технические приемы, как замена вогнутых линий выпуклыми и трансформация гладких поверхностей в геометрические фигуры, что является основой кубизма, Пикассо вдохновило африканское искусство.[46] Благодаря увлечению африканским искусством Пикассо вступил в переписку с ведущими африканскими интеллектуалами, среди которых был и Леопольд Сенгор, первый президент постколониального Сенегала. Сенгор высоко оценил усилия Пикассо по популяризации африканской темы и поддержку африканской независимости, посвятив ему стихотворение «Masque nègre», опубликованное в его первом сборнике «Chants d'ombre».[47]

Сначала Пикассо установил связь с африканскими влияниями через дистанционное знакомство, которое стало возможным благодаря французскому музею. И лишь поборов свою первичную реакцию на материал, из которого состоит африканское искусство, он вошел в прямые контакты с Сенгором и другими африканцами.

Идея перенести эту ситуацию в сегодняшний день кажется весьма заманчивой, представим: Матисс постит фотографию только что купленной им маски племени дан в Facebook,

---

[41] "Picasso's African-Influenced Period: 1907 to 1909", http://www.pablopicasso.org/africanperiod.jsp

[42] Andrew Meldrum, "Stealing Beauty: How Much Did Picasso's Paintings Borrow from African Art?", Guardian, March 14, 2006, http://www.guardian.co.uk/artanddesign/2006/mar/15/art

[43] Corinna Lotz, in Apollo: The International Magazine for Collectors, December 2007, p. 122, http://www.apollo-tmagazine.com/reviews/books/386241/art-that-scared-picasso.thtml

[44] Meldrum, "Stealing Beauty".

[45] Meldrum, "Stealing Beauty".

[46] Picasso and Africa, ed. Laurence Madeline and Marilyn Martin (Johannesburg: Standard Bank Gallery, 2006), catalog of an exhibition held at the Standard Bank Gallery, Johannesburg, February 10 through March 19, 2006, and the Iziko South African National Gallery, Cape Town, April 13 through May 21, 2006.

[47] Léopold Sédar Senghor, "Masque nègre" (*фр.* – «Черная маска») in Chants d'ombre (*фр.* – «Песни тени») (1945), http://philosophie-et-litterature.oboulo.com/chants-ombre-leopold-sedar-senghor-1945-masque-negre-114650.html, cited in Lotz, "Art That Scared Picasso".

а Пикассо начинает бешено гуглить похожие картинки. Связь с неизведанным – заразительным и вдохновляющим – установить в реальном мире становится сегодня все труднее. Куда проще найти ее на экране.

Исследователи Калифорнийского университета в Сан-Диего Роджер Бон и Джеймс Шорт подсчитали, что американцы получают информацию 11,8 часа в день, если под информацией понимать теле- и радиовещание, видео, печатную продукцию, разговоры по телефону, компьютер, электронные игры и музыкальные записи.[48] Лишь малая толика уделяется новостям.[49] И все больше времени мы проводим в социальных сетях, где узнаем о повседневных делах и передвижениях наших друзей и близких. В одном только Facebook пользователь сегодня проводит в среднем 13 минут в день. Остальное время мы развлекаем себя, прослушивая музыку, просматривая телепрограммы и видеоролики с прелестными кошечками на YouTube.

Эти три источника информации: новости, социальные сети и культурные медиа – формируют то, что мы знаем и считаем достойным внимания. Если мы постоянно слышим о некоем человеке, месте или событии, мы помечаем воспринятую нами информацию как важную, и уже готовы уделить ей достаточно внимания. И хотя одно из величайших завоеваний интернета – это возможность находить в сети самые неожиданные вещи, на практике то, что мы находим, чаще всего и так расположено недалеко от нашего дома.

В информационных инструментах воплотилась наша склонность уделять внимание событиям, которые влияют на тех, кто нам близок и дорог. В газетах, на радио и телевидении местным или глобальным проблемам уделяется больше внимания, чем международным. Мы предпочитаем смотреть телепрограммы и фильмы на родном языке, а в Facebook скорее станем поддерживать отношения с одноклассниками, чем дружить с незнакомцами. И хотя в таких мощных поисковиках, как Google, можно обнаружить и нигерийские фильмы, и индонезийские новости, поисковики страдают от другого пристрастия: они выдают информацию, которую мы хотим, но далеко не всегда ту, которая нам, возможно, действительно нужна.

Имея в виду совокупность этих пристрастий, нам нужно как следует поработать, чтобы получить толчок, подобный тому, что получил Пикассо, – то есть пережить встречу с неизведанным, которая приведет к вдохновению. Не менее упорно трудиться нам нужно над созданием инструментов, которые предупреждали бы опасности, исходящие от взаимосвязанного мира, будь то зарождающаяся эпидемия, финансовый кризис или провокационное видео. Интернет – не волшебная палочка, он не превратит нас в цифровых космополитов; если мы хотим максимизировать преимущества и минимизировать ущерб взаимосвязанности, мы должны со всей ответственностью подходить к формированию инструментов, с помощью которых мы познаем мир.

А ведь предполагалось, что это будет просто

В 1993 году Говард Рейнгольд опубликовал книгу «Виртуальное сообщество», где размышлял о времени, проведенном на электронных форумах, среди которых был и Internet Relay Chat (IRC) – созданный в 1988 году, но по сей день популярный в технических кругах текстовый чат, работающий в режиме реального времени. В книге, главы которой называются «Племена реального времени» или «Япония и сеть», высказывается надежда, что сетевые диалоги со временем станут более честными, открытыми и содержательными, чем

[48] Roger E. Bohn and James E. Short, “How Much Information? 2009 Report on American Consumers”, Global Information Industry Center of the University of California – San Diego, January 2010, http://hmi.ucsd.edu/pdf/HMI_2009_ConsumerReport_Dec9_2009.pdf

[49] Семнадцать минут в день, по данным Pew Research Center, “Americans Spending More Time Following the News”, September 12, 2010, http://people-press.org/2010/09/12/americans-spending-more-time-following-the-news/

все известные нам ранее беседы. «Тысячи людей в Австралии, Австрии, Великобритании, Дании, Германии, Израиле, Испании, Италии, Канаде, Корее, Мексике, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, Соединенных Штатах, Финляндии, Франции, Швеции, Швейцарии и Японии в данный момент оказались втянуты в напоминающую рулетку кросскультурную письменную беседу, известную как Internet Relay Chat (IRC)». Далее Рейнгольд вопрошает: «Какие культуры могут возникнуть, если убрать из человеческого дискурса все культурные артефакты и оставить лишь письменное слово?»[50]

Рейнгольд был не первым, кто высказал надежду, что с помощью новых технологий далекие и незнакомые друг с другом люди найдут новые способы общения. В книге «Викторианский интернет» редактор отдела технологий журнала Economist Том Стэндедж приводит перечень оптимистических предсказаний относительно телеграфа или, как называл его один из комментаторов, «шоссе мысли». Среди многих прочих Стэндедж цитирует высказывание историков Чарльза Бриггса и Августуса Маверика по поводу прокладки подводного кабеля, соединившего Соединенные Штаты с Великобританией: «Невозможно представить, что при наличии такого инструмента по обмену мыслями между всеми народами Земли сохранятся старые предрассудки и враждебные отношения».[51]

Появление аэропланов породило схожую риторику. Когда в 1909 году Луи Блерио пересек Ла-Манш, лондонская газета Independent писала, что авиасообщение должно привести к миру, потому что аэроплан, «покоряя расстояние, создает близость, а близость скорее порождает любовь, чем ненависть». Следуя схожей логике, Филандер Нокс, госсекретарь США при президенте Говарде Тафте, предсказывал, что с помощью аэропланов «народы станут много ближе друг другу, и таким образом люди забудут про войны».[52]

В 1912 году пионер радио Гульельмо Маркони заявил в одном из интервью: «В новой беспроводной эре война невозможна, потому что она будет достойна лишь насмешек».[53] Даже после Первой мировой войны, доказавшей абсурдность заявления Маркони, изобретатель Никола Тесла связывал с радио еще более великое будущее: «Полное и идеальное распространение беспроводной связи превратит землю в гигантский мозг… Мы сможем общаться друг с другом мгновенно, вне зависимости от расстояний».

Как и подобает предсказаниям гения, кое-что из того, что Тесла представлял себе в 1926 году, сбылось практически слово в слово. «С помощью телевидения и телефонии мы сможем видеть друг друга лицом к лицу, несмотря на непреодолимые расстояния в тысячи миль; аппарат, делающий подобную связь возможной, будет на удивление прост по сравнению с современным телефоном, его можно будет носить с собой в нагрудном кармане».[54]

Эти и подобные им размышления покажутся знакомыми любому, кто застал первые годы интернета. По мнению историка и специалиста по технологиями Лангдона Виннера, «возникновение всякой новой технологии, обладающей значительной силой и практическим потенциалом, всегда сопровождается волной визионерского энтузиазма, предвещающего возникновение утопического общественного порядка».[55] Такие соединяющие людей техно-

---

[50] Howard Rheingold, The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier, rev. ed. (Cambridge: MIT Press, 2000), p. 181.

[51] Tom Standage, The Victorian Internet: The Remarkable Story of the Telegraph and the Nineteenth Century's On-line Pioneers (New York: Berkley Books, 1999), p. 83.

[52] Joseph J. Corn, The Winged Gospel: America's Romance with Aviation (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002), p. 37.

[53] Ivan Narodny, "Marconi's Plans for the World", Technical World Magazine 18 (1912): 145–50.

[54] From a 1926 interview in Colliers, quoted in " Marshall McLuhan Foresees the Global Village", http://www.livinginternet.com/i/ii_mcluhan.htm

[55] Langdon Winner, "Sow's Ears from Silk Purses: The Strange Alchemy of Technological Visionaries", in Technological Visions: The Hopes and Fears That Shape New Technologies, ed. Marita Sturken et al. (Philadelphia: Temple University Press, 2004), p. 34.

логии, как воздушное сообщение, телеграф и радио, хорошо помогают нам представить еще более взаимосвязанный мир. С этой точки зрения лежащая в основе интернета архитектура – а это ни больше ни меньше сеть, объединяющая сети, – в совокупности с объемом книг и статей, написанных на эту тему за последнее десятилетие, безоговорочно выдвигают идею сети в центр всех визионерских представлений о мире, совершенствование которого происходит посредством связи. А представлений этих такое несметное количество, что они уже породили неологизм «киберутопия».

Термин «киберутопия» употребляется исключительно в критическом контексте. Называя человека киберутопистом, вы намекаете на его наивное, восторженное и в целом далекое от реальности представление о возможностях технологии, а также недостаточное понимание управляющих обществом сил. Интересно, что противоположная установка, а именно уверенность, что интернет-технологии ослабляют общество, огрубляют мысль и провоцируют конфликты, обозначается куда менее нагруженным термином «киберскептицизм». Насколько оба этих термина подходят для нашей дискуссии – вопрос открытый, однако сперва мы рассмотрим, чем привлекателен киберутопизм, в чем его достоинства.

Разговаривая с Говардом Рейнгольдом по скайпу, я упомянул, что собираюсь включить несколько его идей в ту главу этой книги, где будет обсуждаться киберутопизм. Услышав это слово применительно к себе, Рейнгольд разволновался, и в какой-то момент я решил, что он хочет прекратить разговор немедленно. Вместо этого он выдержал паузу, успокоился и заявил, что «ведь и аболиционисты когда-то считались утопистами». Позднее уже в письме он развил эту мысль:

> «Я с большим энтузиазмом отношусь к потенциальным возможностям инструментов, облегчающих коллективное действие. Но, как я писал на первых страницах Smart Mobs[его книга о технологии и коллективном действии], люди предпринимают совместные усилия как для созидания, так для разрушения, и оба типа этих коллективных действий можно многократно усиливать… Признавая, что коммунизм и фашизм возникли и распространились как утопии, я предпочитаю обратное умозаключение – под утопическими знаменами люди совершают не только злодейства, но способны также приближать, например, упразднение рабства».[56]

Рейнгольд учит нас не позволять оппонентам переводить дискуссию в нужное им русло. «Киберутопизм» – неприятный ярлык, поскольку соединяет две достойные тщательного отдельного изучения идеи в нечто единое и неуклюже беззащитное. И если убеждение, что связи между людьми, осуществляемые посредством интернета, необратимо ведут ко всеобщему взаимопониманию и миру на земле, не стоит даже защищать, то утверждение, что технологии влияют на то, кого и что мы знаем и считаем для себя важным, куда более сложное и требующее нашего внимательного изучения. Как и в случае с космополитизмом в понимании Аппиа, одного энтузиазма по поводу возможностей межкультурных связей посредством цифровых или иных технологий недостаточно. Цифровой космополитизм, в отличие от киберутопизма, требует, чтобы мы взяли на себя ответственность и воплотили эти потенциальные связи в жизнь.

Если мы отрицаем представление о том, что технологии приводят к неизбежным изменениям, но признаем устремления киберутопистов справедливыми, перед нами возникает проблема: как реорганизовать созданные нами инструменты с тем, чтобы усилить наше влияние на взаимосвязанный мир? Признавая недостатки выстроенных нами систем неизбежными и неизменными, мы расписываемся в собственной лености. Как отмечал Бенджамин

[56] Из личной переписки с Говардом Рейнгольдом.

Дизраэли в романе «Вивиан Грей»: «Не обстоятельства делают человека, а человек – обстоятельства. Человек – существо самостоятельное и имеет власть над материей».[57] Рейнгольд считает убеждение, что с помощью технологий мы можем построить более честный и справедливый для всех мир, не просто обоснованным – сегодня это практически моральный императив.

Будущее для всех

Адепты киберутопизма уверяют нас, что технические новшества ведут к социальному прогрессу и продуктивным связям между людьми различных представлений и верований. Однако история с атипичной пневмонией показала, что взаимосвязанность – это палка о двух концах и, помимо потенциальных возможностей, новых решений грозит распространением заразы. Видео, недавно размещенное на YouTube, – яркая иллюстрация того, насколько важна продуманность и согласованность наших действий, чтобы встреча культур вела к плодотворному сотрудничеству в духе цифрового космополитизма.

Летом 2011 года кинематографист Сэм Бэсил нанял актеров для фильма «Воины пустыни». Актеров нарядили в тюрбаны, хитоны и сандалии и сняли на хромакей в промышленном пространстве калифорнийской Монровии, вдали от голливудских студий. В замысловатом сюжете фигурировали битвы между воинственными племенами, а конфликт был спровоцирован падением кометы. Сценарий был так плох, что актеры потешались над ним между дублями, а режиссер не задерживался на съемочной площадке, даже если актеры путали слова.[58]

1 июля 2012 года Бэсил выложил на YouTube трейлер своего фильма уже под названием «Невинность мусульман». Трейлер объясняет, почему режиссер так халатно отнесся к игре актеров: фильм переозвучили, и теперь герои произносили речи о пророке Мухаммеде, изображая его жестоким озабоченным педофилом. На аудиторию YouTube фильм не произвел большого впечатления, трейлер собрал всего несколько тысяч просмотров, однако он привлек внимание двух открытых противников ислама – пастора Терри Джонса и борца за права коптов Морриса Садека.

И Джонс, и Садек уже неоднократно устраивали антиисламские провокации. Джонс прославился широко анонсированным актом сожжения Корана на девятую годовщину терактов 11 сентября. Его планы спровоцировали протесты в Соединенных Штатах и по всему миру, получили широкое освещение в СМИ и обеспечили ему личную встречу с высокопоставленными официальными лицами США, которые убеждали его не выполнять свои угрозы.[59] В рамках своей новой затеи «Международный день осуждения Мухаммеда», приуроченного к 11 сентября 2012 года Джонс разрекламировал фильм Бэсила среди своих последователей. Садек, известный коптской общине своими частыми письмами, уничижающими ислам, выложил видео Бэсила с арабскими субтитрами на сайт своей организации – Всеамериканской коптской ассамблеи. Кроме того, он разослал сотни имейлов со ссылкой на фильм своим коллегам в Египте.[60]

---

[57] Benjamin Disraeli, Vivian Grey (London: Henry Colburn, 1826), bk. 6, chap. 7.

[58] Jens Eric Gould, “The Making of the Innocence of Muslims: One Actor’s Story”, Time, September 13, 2012, http://nation.time.com/2012/09/13/the-making-of-innocence-of-muslims-one-actors-story

[59] Позднее Джонс все-таки сжег несколько экземпляров Корана, хотя его действия привлекли меньше внимания, чем угрозы, прозвучавшие в 2010 году. См.: Kevin Sieff, “Florida Pastor Terry Jones’s Koran Burning Has Far-reaching Effect”, Washington Post, April 2, 2011, http://www.washingtonpost.com/local/education/florida-pastor-terry-joness-koran-burning-has-far-reaching-effect/2011/04/02/AFpiFoQC_story.html

[60] Pamela Constable, “Egyptian Christian Activist in Virginia Promoted Video That Sparked Furor”, Washington Post, September 13, 2012, http://www.washingtonpost.com/local/egyptian-christian-activist-in-virginia-promoted-video-that-sparked-furor/2012/09/13/f2a52a4c-fdc4–11e1-b153–218509a954e1_story.html

В итоге «Невинность мусульман» попалась на глаза египетскому телеведущему по имени Шейх Калед Абдулла. Абдулла работает на каирском спутниковом канале Al-Nas, известном своей консервативной исламской позицией. По религиозным мотивам на канале нет телеведущих женщин, и, когда 8 сентября Аблулла запустил в эфир отрывок из фильма, подав его как очередные нападки американцев на ислам, лица актрис были заретушированы. Видео дублировали на арабский, поэтому услышать, что английский текст перезаписан и слеплен из нескольких кусков, было невозможно, а Абдулла и другие комментаторы утверждали, что американское правительство то ли спонсировало, то ли как-то иначе поддержало фильм, который показали в Соединенных Штатах по «государственному телевидению».[61]

Канал Al-Nas смотрят по всему арабскому миру, и 11 сентября 2012 года египетские и ливийские зрители канала отреагировали на нашумевший эфир, устроив демонстрации протеста у американских посольств в Каире и Бенгази. В Каире протестующие проломили внешнюю ограду посольства, сорвали американские флаги и подняли черные знамена с надписью «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его».

В Бенгази протесты привели к еще более серьезным последствиям. Возмущенные фильмом боевики исламистской организации «Ансар Аль-Шариа» подожгли здание американского посольства, внутри которого находился посол Кристофер Стивенс и другие служащие. Стивенс и еще четыре человека погибли от отравления дымом. Несмотря на резкое осуждение, которому подверг фильм президент Барак Обама, а также повышенные меры безопасности, к которым пришлось прибегнуть по всему Ближнему Востоку, протесты вспыхнули в Сомали, Пакистане, Судане, а также в таких удаленных странах, как Австралия и Бельгия.[62]

Уличные волнения и насилие – это именно то, чего и добивались создатели фильма. Считается, что под псевдонимом Сэм Бэсил скрывается Накула Басела Накула, живущий в США египетский копт с криминальным прошлым. Сначала целевой аудиторией своего фильма Накула считал мусульман, проживающих в Лос-Анджелесе. 23 июня 2012 года он снял кинотеатр и показал там свое творение под названием «Невиновность бен Ладена». Предварительно он разместил в местной газете объявление на арабском, рассчитывая, что на него клюнут те, кто действительно считает бен Ладена невиновным.[63] Накуле не удалось спровоцировать местных мусульман – на показ почти никто не пришел. Однако Джонс и Садек как следует поработали, чтобы новый фильм увидело и оскорбилось как можно больше людей. Джонс и Садек настаивают, что ислам – опасная религия, поэтому поджог посольства в Бенгази – это их победа, неопровержимое доказательство их утверждения, что ислам – это прежде всего насилие.

По манере поведения в сети Накула, Садек и Джонс – типичные тролли, которые стараются захватить дискуссию с помощью оскорбительного или разжигающего ненависть контента, надеясь таким образом спровоцировать соответствующую реакцию. Специалист по интернету Юдит Донат отмечает: «Тролль прикидывается разумным участником дискуссии,

---

[61] Robert Mackey and Liam Stack, “Obscure Film Mocking Muslim Prophet Sparks Anti-U. S. Protests in Egypt and Libya”, The Lede (blog), New York Times, September 11, 2012, http://thelede.blogs.nytimes.com/2012/09/11/obscure-film-mocking-muslim-prophet-sparks-anti-u-s-protests-in-egypt-and-libya; John Hudson, “The Egyptian Outrage Peddler Who Sent Anti-Islam YouTube Clip Viral”, Atlantic Wire, September 13, 2012, http://www.theatlanticwire.com/ global/2012/09/egyptian-outrage-peddler-who-sent-anti-islam-youtube-clip-viral/56826/

[62] Yoni Bashan, “Arrests Made after Police Officers Injured at Anti-Islamic Film Protest in Sydney CBD”, Daily Telegraph, September 16, 2012, http://www.dailytelegraph.com.au/news/police-use-pepper-spray-on-anti-islamic-film-protesters-in-sydney-at-the-us-consulate/story-e6freuy9–1226474744811; “Belgian Police Detain 230 Protesting Anti-Islam Film”, Hürriyet Daily News, September 16, 2012, http://www.hurriyetdailynews.com/belgian-police-detain- 230-protesting-anti-islam-film-.aspx?pageID=238&nID=30247&NewsCatID=351

[63] Mona Shadia and Harriet Ryan, “California Muslims Hold Vigil for Slain Ambassador”, Los Angeles Times, September 15, 2012, http://articles.latimes.com/2012/sep/15/local/la-me-anti-muslim-film-20120915

разделяющим общую озабоченность и интересы группы», но его основная цель не участие в дискуссии, а разжигание вражды.[64] Поскольку тролль не может действовать открыто, для успешной сетевой деятельности требуются определенные навыки. Если сразу перейти к оскорблениям, разговор может быстро закончиться, а вот плавный переход от разумных комментариев к провокационным вызывает желаемый накал возмущения. Со временем пользователи сети научились вырабатывать иммунитет против троллей. «Просьба троллей не кормить» – таково обычное предостережение, иными словами, если кто-то пытается вас оскорбить, не стоит ему отвечать. Однако сетевой экосистеме в целом еще предстоит выработать надежную защиту от троллей.

[64] Judith S. Donath, “Identity and Deception in the Virtual Community”, Communities in Cyberspace, ed. Marc A. Smith and Peter Kollock (London: Routledge, 1999), pp. 27–58.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.